

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Александр МЕЛИХОВ

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

На первый взгляд, странно, что солидный том Леонида Млечина «Брежнев» (М., 2008) вышел в серии «Жизнь замечательных людей», — для нас, с позволения выразиться, интеллигенции, в Брежневе не было ничего замечательного, он был поглощением ординарности, лучшим подтверждением нашей утешительной уверенности, что мы неизмеримо умнее тех, кто наверху. И его подробная биография как будто с самого начала подтверждает это. После краткого пребывания в гимназии в качестве пригостишки — учащийся трудовой школы, затем кочегар, слесарь, студент землеустроительно-мелиоративного техникума, инженер-теплосиловик, курсант танковой школы — столько профессий освоить и ни на одной не задержаться, все тянуться к карьере «просто начальника»... Словом, типичный партработник, даже и своих кормильцев Маркса — Ленина не берущий в руки без крайней нужды. Мы же тогда не знали таких красивых слов, как профессиональный менеджер, профессиональный политик: где не сеют, не пашут и не пишут статей и книг, на наш тогдашний взгляд, ничего не делают. К чему с молодых ногтей и стремился Брежнев.

Конечно же, он тоже был молод, в кого-то влюблялся (в особу, подозрительную по поводу еще не набравшего силу пятого пункта), о чем-то мечтал, но — источники о романтике: об этих серых людях как правило и вспоминают такие же серые чиновники, почти ничего, кроме казенных штампов, изобразить и разглядеть не умеющие. Лишь чудом сохранилось **стихотворение** юного Леонида, посвященное гибели Вацлава Воровского, — подражание **Северянину!**

Это было в Лозане, где цветут гемотропы,
Где сказочно-дивные снятся где сны.
В центре культурно кичливой Европы
В центре красивой, как сказка страны.

(Правописание сохранено в почтительной неизменности.)

Баллада слишком длинна, чтобы ее привести целиком, но концовкой предлагаю насладиться:

А утром в отделе под фирмой астрий
Посол наш, убит был, убийцы рукой
И в книге великой российской истории
Жертвой прибавилось больше одной!!!

Здесь и обериутам было бы чему поучиться!

К сожалению, подобные перлы огромная редкость в тщательно проработанной Л. Млечиным брежневiane, это мир постановлений, протоколов, служебных интриг, воспоминаний серьезных людей, мало чем интересующихся за пределами этого тусклого пятка. Определявшего, однако, жизнь, без преувеличений, целого мира. Нет, для историка все это очень познавательно, но для тех, кто представляет политическую жизнь по романам Дюма, не слишком захватывающе. И единственное дарование, которое среди всей этой рутины обнаруживает товарищ Леонид Ильич Брежнев, — умение ладить с людьми, поддерживать равновесие в системе власти. Явно стремясь обходиться минимальной дозой жестокости. Представляя собою некий идеал конформиста во главе страны, считавшейся одним из главных мировых агрессоров.

Л. Млечин уделяет немалое внимание и личной жизни Брежнева, однако и там, даже в столь пикантной сфере, как отношения с женщинами, все выглядит до крайности приземленным — ни взлетов на балкон, ни падений с моста. Да и какие могут быть страсти, если немолодой генсек,

судя по всему, предпочитал подручный материал женской obsługi, не смеющей противиться его ласкам, а может быть, о них даже и мечтающей.

Не любил, словом, человек создавать проблемы ни себе, ни другим. Как на личном, так и на государственном и даже международном уровне.

Иногда начинает даже казаться изощренной издевкой, что в государственном некрологе наш дорогой Леонид Ильич был назван великим революционером. Однако, страница за страницей читая Л. Млечина, понемногу с изумлением обнаруживаешь, что незабвенный «Леня» был носителем поистине революционной идеи перехода социализма из утопической в консюмеристскую стадию. В которой государство, оставаясь главным собственником, уже не претендует на мировое господство социалистической системы с целью установления всемирного братства, но всего лишь стремится к максимально спокойной и благоустроенной жизни.

Идея потребительского социализма и сегодня обладает серьезным политическим потенциалом – идея уничтожения экономической конкуренции не ради каких-то химер, но просто во имя спокойной жизни. Разумеется, ограничение личной инициативы требует какой-то идеологии, обосновывающей подавление экономической свободы, но совсем не обязательно ортодоксально марксистской – Брежнев, собственно, и нащупал центральные положения этой идеологии: благосостояние трудящихся и мир во всем мире. Знакомясь с многочисленными стенограммами, с удивлением убеждаешься, что для Брежнева эти лозунги вовсе не были чистой демагогией: среди наследников Ленина и Сталина он выглядит именно что представителем социализма с человеческим лицом.

В узком кругу он поговаривал и о реформах (мы же фронтовики, неужели нам занимать мужества?), но чехословацкие шаги к реальному социализму с человеческим лицом его отрезвили раз и навсегда. Покуда борьба в чехословацком руководстве шла на уровне идей, он считал это внутренней склокой, в которую нам лезть не с руки: пусть сами разбираются. Но когда возникла реальная опасность утратить санитарный кордон между Советским Союзом и Западной Европой, он понял, что на карте стоит – если и не безопасность страны, то его собственная карьера. «Если бы я потерял Чехословакию, мне бы пришлось уйти с поста генерального секретаря», – с полной откровенностью вспоминал он впоследствии.

Но и в те дни в откровенном разговоре с чехословацкими лидерами он приводит лишь военно-стратегические соображения: «Чехословакия находится в пределах тех территорий, которые в годы Второй мировой войны освободил советский солдат. Границы этих территорий – это наши границы. Мы имеем право направить в вашу страну войска, чтобы чувствовать себя в безопасности в наших общих границах». Как видите, о социалистических идеалах ни слова.

Он и вообще марксистскую схоластику в узком кругу по-свойски называл тряхомудией, гонку вооружений пытался притормаживать и даже евреев старался не раздражать без особой надобности. Однако, наталкиваясь на сопротивление догматиков и ястребов, чаще всего отступал: как всякий консюмерист, Брежнев не желал ради каких бы то ни было общих идей рисковать личным благополучием. В этом и заключается слабость консюмеризма – ему трудно соперничать с романтическими идеологиями, порождающими в своих носителях жертвенность и готовность к риску. Но если бы социализм дождался естественной убыли последних, уже смехотворных наследников романтического большевизма, кто знает, может быть, он и обрел бы сколько-то человеческое лицо: вместо ракетных шахт принялся строить дома, вместо танков автомобили, вместо кирзовых сапог ботинки...

Разумеется, неустраимые пороки социализма сохранились бы и тогда: ботинки, равно как и машины, были бы низкого качества, но зато стоили дешево и были всем доступны; за работу платили бы меньше, чем на Западе, зато много и не требовали; ведомства бы в еще большей степени диктовали обществу свою волю, но, по крайней мере, переводили его труд и природные ресурсы, не подвергая опасности мировой войны...

Я думаю, довольно многие и сегодня хотели бы видеть Россию именно такой – **стабильной**. Как ни странно, Брежнев, похоже, и впрямь опережал свое время и лучше нас понимал свою страну.

Есть у Млечина такой, почти трогательный, эпизод. Брежнев спрашивает у более искушенного знатока международных отношений, почему американские президенты не строят свою избирательную кампанию на борьбе за мир – ему было трудно поверить, что за идеей разоружения американские массы вовсе не обязательно побегут, задрвав штаны...

А если бы побежали, Брежнев наверняка охотно пошел бы им навстречу. Ибо в военном деле он любил только парады, ордена и мундиры, а страдания, смерть и всяческие треволения ему

были явно неприятны. Правда, не настолько, чтобы сделаться пацифистом – он не любил крайностей ни в чем. Он был готов на мягкую международную политику в той степени, в которой это не слишком раздражало ястребов: в серьезные конфликты с ними он никогда не вступал – консюмеризм и сегодня остается медлительным беспозвоночным среди стремительных хищников.

В последние годы Брежнев, подсевший на наркотики, производил впечатление смертельно уставшего человека – не хотел ни напрягаться, ни отойти от власти. Впрочем, он хорошо знал, в какое ничтожество низвергается с советского олимпа отработанный человеческий материал – контраст оказывался, пожалуй, даже более разительным, чем у простого советского пенсионера...

Но последняя приключившаяся с ним история, вызывает прямо-таки уважение: на Ташкентском авиационном заводе на генсека рухнули строительные леса, на которые набились любопытствующие рабочие. Чудом оставшись в живых, со сломанной ключицей Брежнев связывается с Андроповым и просит не рубить голов: я сам виноват. Наш дорогой Леонид Ильич и впрямь воцарил консюмеризм с человеческим лицом.

Борис ВАЙЛЬ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ...

Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1. Москва: Наука, 2005, 454 с.

Научное изучение эмиграции началось в России после краха коммунизма. К настоящему времени книг на эту тему наберется на одну небольшую этажерку. Рецензируемое издание выделяется из многих других серьезным подходом, недаром же оно издано под эгидой Института всеобщей истории Российской Академии наук. Хотя в книге не хватает именного указателя и нет справки об авторах сборника. Порой авторам статей не достает академической нейтральности в подходе к темам, связанным со злободневными проблемами. Вот, скажем, в предисловии ответственный редактор книги Н. Т. Энеева пишет об «украинском сепаратизме» (речь идет о периоде после 1917 г.). Что бы это могло значить? Возможно ли говорить о польском или эстонском «сепаратизме»? Означает ли это, что Н. Т. Энеева не признает современное украинское государство? Крайне странно слышать такое, да еще в научном издании.

Энеева пишет в предисловии, что редколлегия сборника не разделяет точки зрения одного из авторов (итальянца), но «считает представленный в статье фактический материал интересным. В частности он свидетельствует о тесных контактах украинских сепаратистов с итальянскими протофашистами...». Т. е. украинские «сепаратисты» должны быть скомпрометированы их связями с итальянскими протофашистами. Однако в этом же самом сборнике помещена вполне серьезная статья Ю. Цурганова «Формирование прогерманского крыла российской военной эмиграции». И всем известны связи правого крыла российской эмиграции не только с Муссолини, но и с Гитлером. И если российские эмигранты в своей борьбе с большевизмом хотели бы опереться на Гитлера, то разве удивительно, что того же хотели «националистические движения российских украин» (цитата из предисловия Энеевой)?

Вообще Энеевой принадлежат две статьи и четыре публикации в данном сборнике. Все они касаются религиозных тем, и это, разумеется, оправдано, поскольку многие в «русском зарубежье» – но, конечно, далеко не все – считали себя православными. Вообще, в первом выпуске «Проблем...» нет статей ни об эсерах, ни о меньшевиках, ни о кадетах в эмиграции, хотя весь выпуск посвящен первой волне эмиграции. Но это вполне может быть закономерно, поскольку это всего лишь выпуск 1-й. Мы ожидали последующих выпусков, но по не зависящим от редакции причинам их не появилось, хотя у редакции скопилось материалов на несколько томов...

Разделы данного выпуска таковы: «Церковь», «Дипломатия и общественные организации», «Философия и культура», «Идеология и национальные течения», «Публикации», «Портреты историков», «Рецензии» и «Анонсы».

В разделе «Дипломатия и общественные организации» обращают на себя внимание две статьи Елены Мироновой о российских дипломатах в изгнании. Речь идет о тех дипломатах России, которые были назначены царским правительством – или затем Временным – и не подчинились большевикам. Троцкий – первый советский наркоминдел – всех их уволил даже без предоставления пенсии (всего лишь два дипломата отозвались на призыв Троцкого поддержать

Совнарком). Российские дипломаты продолжали официально функционировать за границей вплоть до 1924 г. — пока западные страны не признали СССР. Они организовали в Париже Союз послов, — переименованное затем в Совет послов, — единственное правительственное учреждение, оставшееся от прежней России. После 1924 г. «старые» российские посольства за границей занимались помощью соотечественникам (оформляли их юридические документы), помогали им материально, являлись посредниками между ними и властями страны пребывания. Российские юристы при Совете послов внесли свой вклад в разработку документа, утвержденного Лигой Наций, — так называемого «нансеновского» паспорта, признанного к 1923 г. тридцатью одним государством.

Несколько статей посвящено жизни русских эмигрантов в Германии, Чехословакии и в Италии в 1920-е гг. Статья Н. П. Комоловой рассказывает о жизни в эмиграции Павла Муратова (1881-1950), автора известной книги «Образы Италии».

Много нового узнает читатель из статьи Т. М. Симоновой «Концепция “прометеизма” и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920-1930)», написанной по архивным материалам, в том числе — из Российского государственного военного архива. «Прометеизм» происходит от названия клуба «Прометей» и одноименного журнала, созданных в 1926 г. в Польше. В основе «прометеизма» лежит идея мессианской роли Польши, отделяющей «варварский» Восток (Россию) от «цивилизованного» Запада. Т. Симонова пишет, что «лозунг „за нашу и вашу свободу“, утвердившийся в сознании нескольких поколений поляков, отражал их специфическое восприятие своей мессианской роли в истории — быть опорой и оказывать поддержку всем угнетенным и борющимся за свое национальное освобождение народам. (Заметим здесь в скобках, что с лозунгом «**За нашу и нашу свободу!**» вышли в августе 1968 г. Павел Литвинов, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская и другие на Красную площадь, протестуя против вторжения СССР в Чехословакию...)

Из статьи Т. Симоновой мы узнаем, как польские власти на протяжении 1920-1930-х гг. сотрудничали с антибольшевистскими силами: прежде всего с Б. Савинковым, создавшим в 1920 г. в Польше Российский политический комитет. Этот комитет сотрудничал с Белорусской народной республикой (БНР) и Украинской народной республикой (УНР), а также и с Кубанской республикой. С 1920 г. казаки «целыми военными формированиями» стали переходить из Красной армии на сторону поляков. При активном участии Б. Савинкова был разработан проект создания из русских казаков польского пограничного корпуса.

В Польшу направлялись также грузины-эмигранты для обучения в польских военных школах. Грузинским меньшевикам Польша платила пособия. Ежемесячные пособия получали и четыре лидера азербайджанской эмиграции в Польше. На средства польского генштаба издавался журнал кавказских горцев, равно как и издания татарской эмиграции. Но главным направлением польского «прометеизма» была, естественно, Украина.

Все это — скажет читатель — дела давно минувших дней. Не совсем так. Ныне, когда Польша вошла в Европейский союз, она борется за то, чтобы и Украина сотрудничала с ЕС.

Итак, рецензируемый сборник — существенный вклад в историю российской эмиграции. Правда, не всегда здесь речь идет об эмиграции как таковой. Например, статья Н. П. Комоловой «Профессор Ренато Ризалити. В России и о России». Повествует она об одном итальянском историке, об эволюции его взглядов на Россию. Сама по себе эта статья насыщенная и интересная, но разве она об эмиграции? Это уже совершенно иная тема: иностранные слависты и советологи «в России и о России».

Жаль, что тираж данного издания делает его малодоступным — всего лишь 560 экземпляров.

«ПАТРИОТ-ИЗМЕННИК»

Mikkel Kirkæbæk. Schalburg – en patriotisk landsforræder. København: Gyldendal, 2008, 511 s. (Миккель Киркебек. Шальбург – патриот-изменник. Копенгаген: Гюльдендаль, 2008, 511 с.)

Кто в России знает о Кристиане (Константине) Шальбурге (1906-1942)? Кроме небольшого числа почитателей СС и неонацистов — пожалуй, никто.

В Дании же имя Шальбурга до сих пор вызывает у большинства отвращение. Это связано, прежде всего, с деятельностью «Корпуса Шальбурга», боровшегося с Движением сопротивления во время немецкой оккупации. Однако сам корпус возник почти через год после смерти Шальбурга.

В датских энциклопедиях мы найдем только «Корпус Шальбурга», а в статье о Корпусе – лишь имя Шальбурга и годы его рождения и смерти. Ну прямо как в Большой Советской Энциклопедии: есть «троцкизм», а Троцкого – нет!

Когда автор данной книги М. Киркебек собирал сведения у тех, кто еще помнит Шальбурга, то он позвонил, в частности, одному бывшему лейб-гвардейцу, знавшему Шальбурга (сам Шальбург долго служил в датской лейб-гвардии). Тот ответил так: «О биографии человека, в такой степени предавшего свою страну и офицерский корпус Королевской лейб-гвардии, – о нем у меня нет интереса рассказывать. Для меня он – несуществующая личность».

Хорошо еще, что многие другие сослуживцы и однопартийцы Шальбурга откликнулись на просьбу автора и, вспоминая о нем, пытались быть объективными.

Кристиан Шальбург родился в 1906 г. в Змеиногорске, на Алтае. Его отец – как и другие предприимчивые датчане – поехал в Сибирь как бизнесмен. Шальбург мог себя считать дворянином: семейство Шальбургов знает своих предков с 13 века. Тогда они были немцы, а в 18 веке одна ветвь фон Шальбургов переселилась в Данию. В России он женился на дворянке Елене Старицкой – из известного старинного рода.

Таким образом, Кристиан Шальбург – наполовину русский, что и объясняет некоторые черты его личности, нехарактерные для датской ментальности. Дома у Шальбургов говорили по-русски, так что родной язык Кристиана – русский.

О жизни этой семьи в России, о переезде в Царское Село и затем в Петроград – автор книги имеет мало сведений. Сообщения самого Шальбурга – в его автобиографии при поступлении в СС – довольно расплывчаты и иногда противоречивы, а то и вовсе не подтверждаются другими документами. Можно сказать одно: Кристиан Шальбург, уехавший из России в 11 лет, воспринимал свою – и своей семьи – жизнь в России как «потерянный рай». Вспомним, что таково было и отношение к дореволюционной России Владимира Набокова, при всей разнице этих фигур. Разница между ними еще и в том, что отца Набокова убили в 1922 г. люди, идеологию которых исповедовал Шальбург.

Ибо Шальбург, мальчишкой приехавший на родину отца, стал монархистом в самом крайнем варианте. В годы отрочества у него сформировалось убеждение, что в царской России все было идеально: народ любил своего царя, народ шел за царем, Россия была раем, но в этом раю был свой Змей... В 11 лет Шальбургу один из его кузенов дал почитать «Протоколы Сионских мудрецов». С тех пор он понял, что все зло – в евреях. Как полагал впоследствии Шальбург, евреи – виновники обеих мировых войн. Как отмечает М. Киркебек, Шальбург часто употреблял термин «жидо-большевизм».

Поэтому утверждение Константина Залесского (в книге: Константин Залесский. Командиры национальных формирований СС. Москва: АСТ-Астрель, 2007, с.92), что «против большевиков Шальбург боролся всю свою жизнь», не совсем точно: Шальбург, по его словам, боролся с евреями, а большевики были лишь одной из ипостасей международного еврейства. Так что тут евреи на первом плане, а большевики – на втором. Даже в письмах жене с восточного фронта он писал, что идет воевать с евреями.

Вообще Шальбург интеллектом не блистал. По сравнению с ним другой бывший монархист и выходец из России Альфред Розенберг – прямо-таки, как говорил Остап Бендер, «гигант мысли». Впрочем, Розенберга Шальбург недолюбливал: он называл его – чисто по-марксистски – «мелким буржуа». Это потому, что Шальбург считал себя дворянином и потомком Рюрика, а кто такой Розенберг? Сын сапожника (или купца).

Однако вернемся назад – к молодости Кристиана Шальбурга. Еще в России ему покровительствовала особа из царской семьи. Речь идет о сестре Николая II вел. княгине Ольге. По-видимому, это покровительство возникло через мать Кристиана Шальбурга – Елену Старицкую. И вот после революции 1917 г. в Дании оказались и вдовствующая императрица Мария Федоровна, и ее дочь вел. кн. Ольга, и семейство Шальбургов. В 1924 г. Кристиан Шальбург решил креститься в православие, и вел.кн. Ольга была его крестной матерью (она же была крестной матерью его сестры Веры и его сына Александра, родившегося в 1934 г.). В русской православной церкви в Копенгагене он зарегистрирован как Константин Феодорович Шальбург. Интересно, что его то-варищи и по партии, и по гвардии считали его более русским, чем датчанином. Шальбург имел некоторые связи и с датским королевским двором.

В 1925 г. Шальбург решил посвятить себя военной карьере. Это он объяснял тем, что он хочет бороться с коммунизмом. В 1930 г. он записал в своем дневнике: «Мы считаем, что вера в

Бога, верность царю и любовь к Родине – единственное, что спасет нашу страну... Мы все виноваты в том, что царь был убит. Мы искупим свою вину, положив свои жизни за Родину. Мы просим Господа простить нас за ту кровь, которую мы прольем, и мы молим его о победе креста над Антихристом».

С 1925 года начинается служба Шальбурга в королевской гвардии. Он числился в ней до самой своей гибели под Демянском (Новгородская обл.) в 1942 г.

В 1929 г. Шальбург женится на дворянке Хельге фон Бюлов – она была полудатчанка-полунемка. Дома они теперь говорили по-датски. Венчание состоялось в той же русской церкви, где Шальбург крестился. Вообще, автор книги считает, что Шальбург был глубоко верующим человеком, притом до конца своих дней. Жене Шальбург сказал, что борьба за освобождение России для него превыше всего, и что она должна смириться с этим.

В том же 1929 г. Шальбург становится офицером. Во второй половине 1930-х годов он возглавил молодежное движение Датской национал-социалистической рабочей партии. Автор – на основании многочисленных свидетельств – отмечает, что датская нацистская молодежь любила его. Вечерами, у костра, он рассказывал подросткам о России, о большевиках, о евреях... Некоторые воспитанники Шальбурга еще живы, и они до сих пор боготворят своего наставника. М. Киркебек считает – на основании собранных им свидетельств, – что Шальбург был харизматической личностью.

В 1938 г. Шальбург вступил и в эмигрантскую организацию – с центром в Германии, под контролем гестапо – «Российское Национальное и Социальное Движение». Но эмигрантские организации его мало интересовали. Он жадно ждал военных действий. И дождался: в конце 1939 г. СССР напал на Финляндию. Из Европы добровольцы ехали в Финляндию – помогать финнам. Шальбург оказался в Финляндии с некоторым опозданием: вскоре после его приезда было заключено советско-финское перемирие. В Финляндии Шальбург обучал датских добровольцев, среди которых было много лейб-гвардейцев, и далеко не все были национал-социалистами, а некоторые потом участвовали в Движении сопротивления в Дании. Здесь, в Финляндии, его настигла весть о том, что немцы оккупировали Данию. Он был очень возмущен тем, что датская армия практически не оказала сопротивления немцам. Шальбург считал это национальным позором. Каким образом это совмещалось с его нацистскими взглядами и с тем, что в сентябре того же 1940 года он вступил в СС и стал носить немецкую форму? Казалось, он должен был бы приветствовать немецкую оккупацию. Но в тот момент он прежде всего считал себя датским патриотом и готов был – по его собственным словам – воевать с немцами. С другой стороны, Германия, считал он, была единственной страной-оплотом борьбы с коммунизмом.

С осени 1940 г. Шальбург связывает себя с СС – сначала дивизия «Викинг», которая – с 22 июня 1941 г. – действовала на Украине. Здесь Шальбург храбро воевал и получил два Железных креста – сначала второй, а затем первой степени. Приехав в отпуск в Данию, Шальбург обнаружил, что люди на улицах плюются, когда видят датчан в форме СС. Это его поразило. К тому же многие друзья от него отвернулись, а дети вел. кн. Ольги – Гурий и Тихон – не поддались настойчивым уговорам Шальбурга служить в дивизии «Викинг». (Правда, ни вел. кн. Ольга, ни ее дети не осуждали Шальбурга за службу в СС.)

Затем немцами был сформирован добровольческий корпус «Дания», брошенный на подкрепление своих, окруженных в Демянском котле, войск. Там Кристиан Шальбург и погиб 2 июня 1942 г. в чине штурмбаннфюрера СС. Руководитель СС Гимлер – который знал Шальбурга лично – присвоил ему посмертно – и задним числом с 1 июня – звание оберштурмбаннфюрера.

Книга М. Киркебека написана на основании датских и немецких архивов, в том числе и архива семьи Шальбургов, а также многочисленных бесед автора с участниками событий. После выхода в свет книга получила в Дании хорошие отзывы в прессе и радио и долго числилась в списке бестселлеров как номер один. Одна из моих знакомых датчанок, прочитав книгу, сказала: «Книга – хорошая, но сам Шальбург – какой-то противный».

Другого мнения участники Движения сопротивления, лично знавшие Шальбурга (их высказывания приведены в книге): все они – разумеется, не разделяя взглядов и поступков Шальбурга, – подчеркивают, что он был человек привлекательный и хороший офицер.